

Комитет по внешним связям Санкт-Петербурга
Санкт-Петербургский Научный центр РАН
Фонд имени Д.С. Лихачева

Санкт-Петербург

—

Австралия

Европейский Дом
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2014

Санкт-Петербург — Австралия. (Серия «Санкт-Петербург и мир») —
СПб.: Издательство «Европейский Дом», 2014. — 506 с., илл.

ISBN 978-5-8015-0343-1

Главный редактор серии:

доктор философских наук *А.В. Прохоренко*,
Советник Губернатора Санкт-Петербурга

Редакционная коллегия:

Е.Н. Кальщикова (ответственный редактор выпуска)

С.Б. Коренева (руководитель проекта)

О.В. Королева (координатор проекта)

А.Я. Массов (научный редактор выпуска)

Издание осуществлено при содействии
Комитета по внешним связям Санкт-Петербурга

На обложке: карта — Köhler, A. (Кёлер А.). Australien eller Oceanen ...
Utgifven af A.H. Köhler. Abo, [2-ая пол. XIX в.]. РНБ: К 2-Ав 2/19

978 5 8015 0343 1

© Комитет по внешним связям Санкт-Петербурга, 2014

© Фонд имени Д.С. Лихачева, 2014

© Издательство «Европейский Дом», 2014

СОДЕРЖАНИЕ

- Приветственное слово Председателя Комитета по внешним связям
Санкт-Петербурга *Е.Д. Григорьева* ♦ 11
Doyle R. Message from The Lord Mayor of Melbourne ♦ 13

ИЗ ИСТОРИИ РУССКО-АВСТРАЛИЙСКИХ СВЯЗЕЙ

- Ю.В. Косов.* Более двухсот лет успешных связей
между Австралией и Россией ♦ 15
В.В. Носков. Русские крейсера и становление
Австралийской государственности ♦ 21
Е.В. Говор. Санкт-Петербург – Мельбурн:
к истории ранних связей ♦ 110
А.Я. Массов. Русские моряки в Мельбурне
во второй половине XIX – начале XX в. ♦ 126
McNair John. “A most elegant city...”: St Petersburg
through the Eyes of Australian Travellers ♦ 146
М.Ф. Матвеева. Докладная записка барона Н.В. Каульбарса
о русской колонизации на Тихом океане. 1870 г. ♦ 166
И.Б. Братусь. Открытие Новой Голландии ♦ 174

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ–АВСТРАЛИЯ. ДЕНЬ СЕГОДНЯШНИЙ

- A. Grigoriev.* Melbourne/St Petersburg Russia–Victoria Cultural Exchange
Group. Fostering Russian–Australian Cultural Relations:
The Continuing History ♦ 180
В.А. Плотников. Австралийские инициативы
на российской территории: роль Санкт-Петербурга
в проведении форума АТЭС-2012 ♦ 188
Ф.Г. Ханин. Санкт-Петербург как лидер образовательных связей
России и Австралии ♦ 193
Т.Р. Кузьмина. Перспективы петербургско-австралийского
сотрудничества в сфере высшего образования
и научной деятельности ♦ 202
А.Е. Череповицын. Экономические стимулы энергоэффективного
развития и снижения эмиссии CO₂; опыт Австралии ♦ 213
Раки из Австралии контролируют качество очистки сточных вод
Петербурга. ГУП «Водоканал» СПб ♦ 217
П.А. Головнин. Памятник мореплавателю В.М. Головнину
в Республике Вануату ♦ 219

АВСТРАЛИЙСКИЕ КОЛЛЕКЦИИ В МУЗЕЯХ, БИБЛИОТЕКАХ И АРХИВАХ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

- П.Л. Белков.* Земля полуденная Галлес, или Отдаленнейшая часть Востока в зеркале музейных собраний Санкт-Петербурга первой четверти XIX в. ♦ 227
- Е.М. Арнаутова.* Ботанические связи Австралии и Санкт-Петербурга ♦ 246
- Н.В. Сленкова, Е.П. Тихонова.* Сотрудничество зоологического музея и института РАН с зоологами Австралии. Эпизоды взаимодействия ♦ 251
- Е.С. Соболева.* К истории сотрудничества этнографических музеев Санкт-Петербурга и Австралии в начале XX века ♦ 280
- Л.К. Кильдюшевская.* Австралия на картах XVII—XIX вв. ♦ 303
- Н.П. Хотеева.* Книгообмен Библиотеки РАН с Австралией ♦ 320
- С.А. Ходаковская, В.М. Ушакова.* «Удивительно хорошая, спокойная страна...» ♦ 324
- Т.П. Мазур.* Австралия глазами российских моряков, ученых и исследователей. (Документы Российского государственного архива Военно-Морского Флота) ♦ 343
- Н.М. Гергилевич.* Мы ждем тебя, далекая Австралия, в гости ♦ 356

АВСТРАЛИЯ ДАЛЕКАЯ И БЛИЗКАЯ. ЛЮДИ И СУДЬБЫ

- Л.Б. Вольфиун, А.А. Васильев* — ученый и путешественник ♦ 362
- Г.И. Каневская.* «Это потрясающий город, независимо от времени года или времени исторического». (Санкт-Петербург в жизни русской австралийки) ♦ 381
- Н.Г. Краснодембская.* Консул о консулах, или маленькая рецензия-воспоминание о коллеге и друге ♦ 390
- Т.Н. Иванова (при участии А.И. Иванова).* Непростые поиски истины и справедливости: профессор из Брисбена и его книга в Санкт-Петербурге ♦ 397
- Эдуард Дворкин.* Федор Богдановский — самый сильный человек мира ♦ 405
- Сергей Катин, Наталия Гуляева.* Заметки об Австралии ♦ 409
- Марина Шмулевич.* Австралия далекая и близкая ♦ 433

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ—АВСТРАЛИЯ. КУЛЬТУРНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ СВЯЗИ

- А.С. Петриковская.* Санкт-Петербург — Мельбурн: из истории культурных связей ♦ 441
- В.Ю. Матвеев.* Государственный Эрмитаж и музеи Австралии: к истории выставочных проектов ♦ 467

- Н.Ф. Эфендиева.* «Новая волна» австралийского кино.
(К истории вопроса) ♦ 470
- О. Калашикова.* Quiksilver — австралийская легенда
культуры экстрима и фэшн-бизнеса 478
- А.В. Килипенко.* Литературные связи писателей городов-побратимов
Санкт-Петербурга и Мельбурна в XXI в.
Русскоязычные писатели Австралии ♦ 482
- Sebastian FitzLyon.* A Russo-Australian Story — How New South Wales
came closer to St.Petersburg ♦ 488
- Boris Gubler.* No man is an island... ♦ 492
- Аполлинария Аврутина.* Английский крикет на русском газоне ♦ 494
- Гастроли Санкт-Петербургского государственного академического
театра балета Бориса Эйфмана в Австралии. *Пресс-центр
Театра Бориса Эйфмана в Санкт-Петербурге* ♦ 496
- Алла Петрова.* Мельбурн — Санкт-Петербург: мост дружбы ♦ 498
- Розалия Самигуллина.* Мост дружбы «Россия—Австралия» ♦ 500
- Эту книгу подготовили ♦ 504

Е.В. Говор

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ — МЕЛЬБУРН: К ИСТОРИИ РАННИХ СВЯЗЕЙ

История ранних российских эмигрантов в Мельбурне, как и во всей колонии, а затем штате Виктория, принадлежит к числу самых малоизученных. Задача найти среди них петербуржцев особенно трудна, но те судьбы, что удалось проследить, часто выводят нас за пределы обычных эмигрантских историй — культурная, столичная принадлежность их героев придает им особую ауру.

ПЕРВЫЕ РОССИЯНЕ В ВИКТОРИИ

Первым россиянином, ступившим в 1803 г. на дикие берега будущей колонии Виктории, был Джон Потоцкий. В 1823 г. капитан Андрей Лазарев встретил на Тасмании этого «уроженца белорусского», который, «ежели верить словам его, [...] в царствование императрицы Екатерины II был нашим армейским офицером и судьбами превратного счастья занесен в Англию, а оттуда в 1804-м году отправлен на Вандиминовый остров в числе преступников». По пути на «Вандиминовый остров» (ныне это штат Тасмания) ссыльные несколько месяцев провели в бухте Салливан, на южном берегу залива Порт-Филлип, на берегах которого и лежит ныне Мельбурн. Ссылную колонию основать там не удалось, и семья Потоцких, в числе других ссыльных, стала пионерами освоения Ван-Дименовой земли, однако в начале 1850-х гг. его вдова и дочь Кэтрин с семьей переселились в Джилонг, в том же заливе Порт-Филлип, «приложив все усилия к тому, чтобы изгладить память о тяжелых годах ссылки и начать новую жизнь в Виктории», рассказывает их праправнучка Кэтрин Мэри Пурселл. Их стремление увенчалось успехом, потомки Потоцких насчитывают ныне более двух тысяч человек.¹

Подлинное открытие русскими молодой австралийской колонии Виктории состоялось в начале 1850-х гг., когда страницы русских журналов и газет запестрели сообщениями о «золотой горячке» в далекой Австралии и туда хлынул поток искателей счастья. Потянулись туда и русские, однако одна из первых попыток такого рода, описанная Александром Герценом в «Былом и думах», не увенчалась успехом. Он рассказал историю офицера Иллариона

Стремоухова, бежавшего из России в Европу в конце 1840-х гг. Видя, как он постепенно все больше нищает и опускается, русская колония в Лондоне собрала для него деньги и вещи и решила отправить его в Австралию, где недавно открыли золото. «Ему дали в Мельбурн рекомендацию и поручили капитану его самого и, главное, деньги за проезд». Прощаясь, Стремоухов со слезами на глазах говорил: «Как хотите, господа, а ехать в такую даль не легкая вещь. Вдруг разорваться со всеми привычками, но это надобно...» Увы, русская обломовщина взяла верх, и спустя несколько месяцев Стремоухова обнаружили не «на берегах Виктории-ривер», а в лондонском кабаке, откуда за буянство и воровство он угодил в тюрьму.²

Среди россиян, все-таки добравшихся до золотых приисков, был Вильям Эммарманн, сын петербургского сапожника. В Австралии он стал национальным героем, пав смертью храбрых во время знаменитого эврикского восстания золотоискателей в Балларате в 1854 г.³ Это был своего рода «Ленский расстрел», ставший символом австралийского духа «непокорности» и положивший начало демократическим преобразованиям в Австралии. Это раннее русское присутствие оставило свой след и в австралийских географических названиях. В Австралии, в том числе и в Виктории, в то время появилось несколько Русских балок, находка золота в которых была, возможно, связана с русскими старателями. В это же время золотые поля Виктории заволокли и волна крымских топонимов — так жители австралийской колонии отмечали места кровопролитных боев Крымской войны.

Петербург всегда отличался своим космополитическим национальным составом, и неудивительно, что и первыми петербуржцами в Мельбурне были не столько этнические русские, сколько петербургские европейцы. Среди них можно отметить семью немецких музыкантов из Петербурга по фамилии Нихов (Niehoff) — Карл и его сыновья Иосиф, Генри и Фредерик. Приехав в Австралию во времена золотой лихорадки, они кочевали по всей колонии с концертами, осев к концу XIX в. в Мельбурне, где театральная жизнь была ключом. Сходный путь проделал и другой музыкант-петербуржец Кристиан Николай Фредриксен. В Петербурге родился и провел юность и один из первых колониальных живописцев Виктории Николас Шевалье (1828–1902), сын швейцарца-отца и русской матери. Он приехал в Австралию в 1855 г., вслед за своим братом Луисом, который отправился на золотые прииски. Живописные полотна Шевалье передают его увлечение австралийской природой, но в то же время он сохранял связь со своим русским прошлым, свободно владея русским языком и принимая в своем гостеприимном доме в Фицрое редких русских посетителей.

Русскую общину раннего Мельбурна, или, вернее, круг лиц с русскими связями, возглавлял Джеймс Деймион (1812—1898). Уроженец Лондона, он еще в юности отправился в Россию и поселился «на хлебах» в семье священника, чтобы изучить русский язык.⁴ Проведя 17 лет в России, где он занимался торговлей, Деймион эмигрировал в Мельбурн, став одним из основателей молодой колонии Виктории. Когда после Крымской войны Россия создавала сеть почетных консулов в тихоокеанском регионе, Деймион занял должность российского почетного консула и служил на благо России до 1894 г., когда в Мельбурн прибыл штатный консул Алексей Путята.

Благодаря изучению круга русских контактов Деймиона удалось раскрыть любопытную страницу океанийских связей Н.Н. Миклухо-Маклая, знаменитого путешественника-петербуржца, который жил в Австралии между 1878 и 1886 г. Посещая Новую Каледонию в 1879 г., Миклухо-Маклай писал: «Был обрадован утром визитом г. Ш., сына д-ра Ш., долго жившего и практиковавшего в Петербурге, которого я знал в Иене. Г. Ш. уже много лет живет в Новой Каледонии, имеет обширную плантацию в нескольких километрах от Нумеи, но, кроме того, занимается торговыми делами. Восстание туземцев, при котором плантация г. Ш. с ее жителями подверглась опасности быть разграбленной, а люди, при их сравнительной малочисленности, убитыми поголовно, так напугало г-жу Ш., что ее муж решил, во избежание повторения такой случайности, совершенно покинуть Новую Каледонию и переселиться в Аргентинскую республику. Пока он оставался в Нумее для продажи своей плантации и окончания дел. Г. Ш. любезно пригласил меня к себе на плантацию, причем я буду иметь возможность видеть немного внутренность острова, так как Тамоа (плантация Ш.) лежит за береговым хребтом». Миклухо-Маклай действительно посетил Тамоа, где собрал ценный этнографический материал, однако имя его гостеприимного хозяина до сих пор оставалось неизвестным.⁵

Как удалось выяснить, госпожой Ш. была старшая дочь Джеймса Деймиона Агнес (1845—1929), родившаяся в Мельбурне. Ее мужем стал Эдуард Шиле (Schiele) (1843—1929), уроженец Петербурга. Его отец, немец Альберт Шиле (1804—1887), действительно был доктором медицины, служившим в Петербурге, а мать Амалия (1811—1869), происходила из семьи петербургских немцев Бётлинг(к)ов. С их семьей Миклухо-Маклай подружился зимой 1869/70 г. в Иене. Братом Амалии был знаменитый лингвист и индолог Оттон Николаевич Бётлинг (1815—1904), с которым Миклухо-Маклай поддерживал научные контакты во время путешествий, посылая ему свои исследования о языках Океании.

ВРАЧИ

Среди пионеров Виктории, связанных с Петербургом, выделяется группа британских врачей, которые нередко отправлялись в Австралию, попытав прежде счастья в России. Так, Ричард Сауси (Southee, 1799–1873), получив образование в Императорском медико-хирургическом институте в Санкт-Петербурге, прослужил 25 лет в русской армии. В 1851 г. он прибыл в Викторию и отправился в качестве врача на золотые прииски, где проработал до конца жизни. В русской армии в 1840-х гг. служил и Дэвид Джон Уильямс (1819–1902), он, кроме того, являлся медицинским советником Николая I. Он тоже отправился на золотые прииски, а закончил свою деятельность мэром Квинсклифа, поселения у входа в Порт Мельбурн. Еще один британец, Уильям Салтер, окончил военно-медицинскую академию в Петербурге и прибыл в Австралию в 1839 г.

Приезжали в Австралию и русские врачи. В начале XX в. здесь большой популярностью пользовался петербуржец Александр Николаевич Краковский (1862–1930). Получив медицинское образование в Петербурге и в Казани, он отправился в Англию, а затем в Южную Африку, где был ранен, участвуя в англо-бурской войне в составе британской армии, и дважды награжден за храбрость. Во время первой мировой войны служил на Дальнем Востоке, в Шанхае, а в 1916 г. приехал со своей женой-австралийкой сначала в Мельбурн, а затем в Южную Австралию. Здесь его гостеприимный аделаидский дом «Tolstoi House» стал одним из центров общественной жизни этого штата. Краковские часто устраивали у себя приемы и даже были удостоены чести принимать Анну Павлову, которую приветствовала их дочь Ольга в русском костюме. Щедрый русский доктор был очень популярен в Аделаиде, он в равной степени заботился и об австралийских ветеранах, и о русских казаках, которые после гастрольного тура казачьего хора стремились переселиться в Австралию из Франции и заняться фермерством.

ПЕТЕРБУРЖЦЫ В ДЕБРЯХ АВСТРАЛИИ

Заглянуть в мир русских пионеров-первопроходцев, обретших свой новый дом в экзотической Австралии, теперь не так-то легко, но один из них рассказал о себе. Это был петербуржец Валерий Бородин. В 1946 г., уже стариком, он натурализовался в Австралии под именем Вильям Броди. В юности он получил от бабушки в наследство огромное состояние в 11 тысяч фунтов, десять лет путешествовал по всему миру и, наконец, в 1911 г. высадился в Австралии. Как и многих других, его околдовал мир австралийского Дикого Запада, захватила мечта о новом богатстве, и многие годы он кочевал по Квинсленду в поисках опалов и золота. Когда старательская удача покидала его, он охотился на кроликов и тем жил. «Скотоводческих ферм и приисков было так много, что перечислить их

все не хватит места», — написал он в заявлении на натурализацию в графе о местах, где ему приходилось жить.

Типичный бродяга — но с изюминкой. Незадолго до смерти он наскреб необходимые пять фунтов и оформил авторское свидетельство на свои песни. Австралийский чиновник аккуратно подшил листки в тонкую папку и передал их в архив.⁶ Теперь, благодаря ему, мы можем вернуть России и Австралии их забытого барда. Пел Бородин/Броди, впрочем, не о детстве в Петербурге, не о молодости в Европе и Америке, а о старости в Австралии. Его песни, то сентиментальные, то шуточные, полны австралийских реалий и сленга. На склоне дней он мечтает обрести утешение и покой в «хижине из коры» — архетип мира австралийских первопроходцев — на берегу Муррея, который струит свои воды под шест листьев высоких эвкалиптов.

В Петербурге родился и другой бродяга, носивший, если верить ему, пышное имя Жюль Морис Александр де Монтваль. Когда полиция арестовала его в 1912 г. за буянство в пьяном виде, они обнаружили при нем письмо с исповедью о его жизни, которая была покрупче бульварного романа. Здесь было все — отец-француз и дядя-баронет из известной семьи фон дер Рек из Курляндии, учеба в теологической семинарии, дуэль и побег в Аргентину, возвращение в Россию, участие в революционном движении, в том числе в восстании на броненосце «Потемкин», ну и, конечно, новый побег за границу, когда его вели на смертную казнь. История его не поддается проверке, так как Монтваль, по его собственному свидетельству, постоянно менял имена. Несомненно, что новоявленный русский «нигилист» напугал австралийскую полицию, угрожая расстрелять всех врагов лейбористской партии Австралии.⁷ Как сложилась его дальнейшая судьба — неизвестно.

Если история Монтваля кажется фарсом, то история двух других юношей из Петербурга, Бориса Зенковича (Витчмана) и Александра Эйсмонда, которые вместе отправились в Австралию в 1910 г. в поисках приключений, была поистине трагической. 24 сентября 1910 г. труп Эйсмонда, завернутый в палатку, был обнаружен в реке Дарлинг около городка Бурк, а три дня спустя в Мельбурне по подозрению в убийстве был арестован его спутник Борис Зенкович. «Вычислила» его хозяйка пансиона, где он остановился: газеты писали, что подозреваемый не расстается с русско-английским словарем, и именно таким был ее новый жилец. Сообщения о его аресте вызвали сенсацию в стране — подозреваемым в страшном преступлении оказался, как писали газеты, «совсем ребенок», невысокий, коротко стриженный ушастый мальчик на вид лет 15–16 с растерянной улыбкой.⁸ Вскоре из его рассказов выяснилось, что ребята вместе жили и учи-

лись в Гатчинском сиротском институте, около Санкт-Петербурга. Они увлекались чтением историй «о дикарях в неведомых странах» и мечтали поселиться на необитаемом острове. Когда Эйсмонда отчислили из института, он уговорил Зенковича бежать и, имея деньги, оплатил все их расходы. Их выбор пал на Австралию и, прибыв в Сидней, они купили палатку, ружье, топорик, пробковые шлемы и отправились вглубь страны охотиться на кенгуру.⁹ Сойдя с поезда в Бурке, почти в 800 километрах на запад от Сиднея, они разбили лагерь на берегу реки. Ночью произошла трагедия. Как выяснилось, отношения их были совсем не простыми, и когда ночью Эйсмонд возобновил свои попытки физической близости, Зенкович не выдержал, схватил попавшийся под руку топорик и разрубил гордиев узел их отношений. Несмотря на тяжесть преступления, отношение австралийского общества к Зенковичу было доброжелательным. В газетах несколько раз вспыхивали перепалки по поводу того, что полиция после ареста обходилась с ним недостаточно гуманно, а несколькими газетами присудили выплатить большие штрафы за то, что они раньше времени напечатали признания Зенковича и тем повлияли на судебный процесс. Даже чистосердечное признание юноши в том, что он не верит в бога, было с симпатией разъяснено: оказалось, это было влияние его гатчинского школьного учителя.¹⁰ Жюри после 5-часового обсуждения признало Зенковича виновным, но настоятельно рекомендовало помилование, поскольку преступление было непредумышленным. Судья вынес смертный приговор, но через несколько недель он был заменен пожизненной каторгой. Через 11 лет Зенковича выпустили из заключения. За это время он освоил специальность плотника и вскоре поселился в Мельбурне, первый визит в который оказался для него столь недолговременным.

За несколько дней до приезда в Австралию Зенковича и Эйсмонда в порту Мельбурна остановился корабль «Омра», на борту которого были две незаурядные петербургские семьи. Николай Дмитриевич Ильин, русский писатель, вез свою семью, навсегда оставив позади петербургскую жизнь, из Южной Америки, где они уже попробовали себя в качестве колонистов в Патагонии, в предгорьях Анд. Ильин был известен в Петербурге как присяжный поверенный, защищавший в суде дела бедняков, а также писатель — автор разоблачительного романа «В новом краю» о неблагоприятной роли русских колонизаторов в Средней Азии. Но самой громкой его книгой стал «Дневник толстовца», в которой он обличал лицемерии своих бывших кумиров — Льва Толстого и Николая Ге. Картину Ге «Что есть истина?» Ильин возил на выставку в Европу и Америку. Поездка разорила его, и, запутавшись в долгах, он бежал из России в Южную Америку. Теперь, уже в преклонном возрасте, с

тремя взрослыми детьми Леандро, Ромелио и Ариадной, он начал все сначала в Австралии.

Семья Марии Степановны Даниель тоже включала двух подростков — Бориса и Милу. Расставшись с мужем, Евгением Васильевичем Даниелем, одним из руководителей строительства КВЖД, человеком, пользовавшимся большой популярностью на Дальнем Востоке, Мария Степановна уехала с детьми в Петербург. Не желая поступиться принципами, она отказалась от причитавшегося детям состояния в 55 тыс. рублей и своим трудом дала им образование в лучших петербургских гимназиях. Борис закончил знаменитое Тенишевское училище вместе с Осипом Манделъштамом и Виктором Жирмуном.

Ильины и Даниели не остались в Мельбурне, а отправились дальше, на север Австралии. Семья Николая Ильина поселилась на плато Атертон, в джунглях северного Квинсленда, основав здесь русскую колонию, а его сын Леандро женился на аборигенке из местного племени нгаджон и стал основателем большой династии аборигенов с фамилией Иллин. Тенишевец Борис Даниель отправился в Лонгрич, на северо-запад Квинсленда, испытать себя в качестве пастуха овец. Позже их семья уехала в Новую Зеландию.¹¹

ПЕТЕРБУРЖЕНКИ В ВИКТОРИИ

Мария Даниель была не первой и не последней среди жительниц Петербурга, отправившихся в Австралию начинать новую жизнь. Несколько романтических историй петербуржцев было связано с Мельбурном. Одной из них был побег в Австралию капитана Гаврила Есипова со своей возлюбленной, Устинией Ушаковой в 1907 г. Ее муж, генерал Александр Ушаков, лицо, приближенное к царской семье, не давал ей развода, а когда влюбленная пара бежала из Петербурга в мае 1906 г., начал их преследовать, угрожая убить соперника. Влюбленные безуспешно пытались скрыться в Европе, Америке, Англии, Южной Африке, но везде по их следам шли «шпионы» генерала. Наконец, буквально без гроша в кармане, они добрались до Мельбурна, где Есипов заболел и слег, а его подруга, чтобы выжить, «продала» их историю местной прессе. Хотя в австралийских газетах и появились письма в защиту морали, но эта пара не могла не привлечь сочувственного внимания читателей. Гавриил Есипов, сын героя Хивинского сражения 1873 г. подполковника Есипова, племянник знаменитой пианистки Аннет Есиповой, обаятельный, высокий, с военной выправкой, и Устиния Ушакова, хоть, как отмечали газеты, и не красавица, но личность неординарная, импонировавшая австралийцам. Она свободно говорила по-английски, знала пять языков, вращалась в высшем свете Петербурга (ее отцом был генерал Николай Николаевич Тевяшѳв, герой

русско-турецкой войны и генерал-губернатор Туркестана). Ради своего возлюбленного она оставила в Петербурге двух сыновей-подростков и причитавшееся ей наследство в 50 тыс. рублей и теперь, пока Есипов поправлялся в приюте Армии спасения, с подкупающей искренностью рассказывала об их любви и безрассудном побеге. Публикацию ее рассказа украшали экзотические снимки русских и туркестанских реалий из ее коллекции. Как сложилась их дальнейшая судьба — неизвестно. Возможно, они сменили фамилию и остались жить в Австралии или переселились в Америку.

Другая петербургская беглянка, Лидия Карловна Бутлер (1881—1968), напротив, унесла свою трагическую историю в могилу, и только почти столетие спустя удалось сложить мозаику ее прошлого и воссоединить ее русскую внучку с австралийской. Лидия, происходившая из дворянской семьи обрусевших немцев, выросла в Петербурге, окончила петербургскую гимназию, была знакома с Бальмонтом. В 1903 г. вышла замуж за Порфирия Ветошника и уехала с ним на Дальний Восток. После рождения третьего сына в семье произошел конфликт, и ее муж с детьми скрылся, впоследствии сдав детей в приют под Петербургом. В 1910 г., после безуспешных попыток отыскать детей, Лидия уехала в Австралию со своим петербургским знакомым Александром Платоновым (1881—1948). Сначала они поселились в Аделаиде, а затем перебрались в Мельбурн, где Платонов устроился работать нештатным письмоводителем в русском консульстве. Это не удивительно, он был прекрасно образован, окончил Военно-медицинскую академию, вот только диплом по какой-то причине не взял. Лидия, знавшая немецкий и французский, быстро овладела английским языком и, как она рассказывала в интервью Константину Хотимскому 55 лет спустя, «часто брала место жены русского консула. Она была немка и не знала русского языка и, когда у нас были праздники как Рождество или Пасха, у нас не было своей русской церкви, так мы держали свои церковные службы в греческой церкви, и я была представительницей России с русским консулом». В годы первой мировой войны ее пути с Платоновым разошлись. Он наконец-то получил свой диплом из России и открыл медицинскую практику в Южной Австралии, а Лидия «встретила англичанина, очень культурного человека» и, сделав последнюю безуспешную попытку найти своих детей и получить развод, вышла за него замуж в Перте, где ее никто не знал. Ее мужем стал журналист Хьюберт Уитхэм. В 1917 г. у них родился сын Хьюберт-младший, который стал адвокатом. Она прожила всю дальнейшую жизнь в Сиднее, спрятав от всех свое прошлое. А оно не исчезло. Двое ее старших сыновей пропали в сумятице гражданской войны, а младший, Владимир, выжил. Как и его австралийский брат Хьюберт, он воевал во второй мировой вой-

не. Когда, по просьбе его дочери Татьяны, я разыскала ее австралийских родственников, о которых она и не подозревала, выяснилось, что австралийская семья Лидии ничего не знала о прошлом, не сохранились ни фотографии, ни книга стихов с дарственной надписью Бальмонта, которую Лидия получила от поэта во время его визита в Австралию, ни русская икона, которую она привезла с собой. И лишь голос ее, записанный на катушечный магнитофон, все еще звучит...

Какая была причина отъезда из России у Екатерины Владимировны Черемисиновой, мы, возможно, никогда не узнаем, но ее горячее выступление в новозеландской печати в защиту чистоты любви у русских дворянок — «она любит только раз в жизни и — навсегда, и многие женщины остались на всю жизнь одинокими, чтобы только не предать свой идеал настоящей любви» — возможно, говорит и о ее собственной драме.¹² Она родилась в Петербурге в 1890 г., окончила, вероятно, университет, знала французский, немецкий и итальянский языки. В 1916 г. покинула Россию, пару лет прожила гувернанткой в семье у русского генерального консула в Шанхае В.Ф. Гроссе, а в 1918 г. отправилась в Австралию, а затем в Новую Зеландию. В то время она не знала английского и сделала почти невозможное — блестяще освоила его за 4 года, получив степень бакалавра в университете Веллингтона. В 1928 г. она перебралась Мельбурн и возглавила преподавание языков в престижной школе Мертон Холл, одновременно начав преподавать русский язык в Университете Мельбурна. Однако работать в Австралии ей удалось недолго: «Я не могу сохранить свою работу единственно из-за моего иностранного имени и места рождения», писала она в 1931 г. отправляясь в Европу, где надеялась продолжить образование в Оксфорде или Кембридже.¹³

РОССИЙСКИЕ АНЗАКИ

Российские анзаки — особая страница русско-австралийских связей. Аббревиатура ANZAC — Австралийско-новозеландский армейский корпус — стала использоваться еще в начале первой мировой войны. Так стали называть служащих Австралийской армии. С Петербургом были связаны судьбы 36 российских анзаков — там они родились, учились или там жили их родные¹⁴. Среди них выделяется группа петербургских европейцев — подданных других стран, родившихся в северной столице. Для некоторых из них факт рождения в России был лишь случайным эпизодом в их биографии во время пребывания там их родителей-иностранцев, и они никак не ассоциировали себя с русскими, но другие, выросшие в России, хотя и не являлись этнически русскими, знали русский язык и сохраняли тесную связь со своей родиной. Например, Джорджа Бол-

ла, который прекрасно владел английским и по всем признакам был англичанином, сослуживцы всегда звали «русским». В семье Чарльза Генри Райта связь с Петербургом была на протяжении трех поколений: в 1812 г. в Петербурге родился его дед — Чарльз Райт, офицер британской армии. В 1830-е гг. судьба занесла его в Австралию, но его сын Артур вернулся в Петербург, где в 1870 г. и родился Чарльз Генри, который, согласно записи в его военном досье, много лет провел на «британской консульской службе». В Австралию он перебрался еще в 1880-е гг., но, сохраняя знание русского языка, иногда выступал в армии в качестве переводчика. Стенли Джонсон, еще один петербургский британец, во время войны сотрудничал, вероятно, с Русским правительственным комитетом, созданном в Лондоне для военно-технической помощи воюющей России. Оскар Нортон Гэмбрил, долго проживший в Петербурге, после войны хотел вернуться в Россию заниматься бизнесом. Самым знаменитым среди этих русских иностранцев был Джордж Ламберт, ставший официальным военным художником в австралийской армии. Его связь с Петербургом ограничивалась, как кажется, только тем, что Петербург был местом его рождения. Однако, возможно, аура русского наследия семьи проявилась в том, что уже после войны сын Ламберта Констант сотрудничал с Сергеем Дягилевым, в постановке которого вышел балет Ламберта-младшего «Ромео и Джульетта».

Многие анзаки-петербуржцы происходили из интеллигентных семей. В Петербурге вырос Георгий Камышанский, сын блестящего юриста и оратора, прокурора Петербургской судебной палаты Петра Константиновича Камышанского. В австралийской армии Георгий благодаря знанию иностранных языков был зачислен в разведку. Отцом Александра Арна был, вероятно, архитектор Франк Арн, отцом Сергея Тарасова — преподаватель истории. Из семьи петербургских нефтепромышленников происходил Пол Тапкен. Несколько анзаков получили в Петербурге образование: уроженец Латвии Иван Фредерик Ловак Селмен (или Иван Иванович, как он писал в анкете) учился здесь в военном училище; в Петербурге учился и другой латыш — Джон Роберт Крауклис. Строительный инженер Франсис де Рамер из Польши тоже получил образование в Петербурге. Пройдя с австралийской армией Галлиполи, он, как и Стенли, в 1916 г. был взят на работу в Русский правительственный комитет. В Петербурге, вероятно, учился в университете Виктор Ворт. Он был настолько хорошо образован, что в австралийскую армию его взяли на должность клерка — редкий случай для россиянина.

С Петербургом был связан и ряд политэмигрантов. Николай Синдеев, машинист, уроженец Сызрани, в 1909 г. был выслан из

Петербурга за участие в политических митингах и с Дальнего Востока в 1910 г. приехал в Австралию. Относительно уроженца Петербурга Александра Петрова у австралийской полиции были подозрения, что он совершил в России преступление по политическим мотивам. Петров, как и Ворт, участвовал в русско-японской войне. Вероятно, в политическую деятельность были вовлечены и Александр Карелин и Александр Петровский, приехавшие в Австралию вскоре после революции 1905—1907 гг.

Петербургские британцы и россияне одними из первых вступили в армию, когда началась война. Они приняли на себя самый тяжелый удар высадки в Галлиполи 25 апреля 1915 г., которая теперь отмечается в Австралии как День анзака. В этой высадке участвовало не менее 25 россиян и среди них петербуржцы — Болл, Арн, Камышанский, Синдеев; в высадке участвовал и Александр Хилтунен, финн, родные которого жили в Петербурге. Джордж Болл, как и многие, был ранен при высадке. Через месяц он вернулся в батальон и отличился в знаменитой битве за плацдарм Одинокой сосны. Во время тяжелых боев 6 августа, когда все офицеры и прапорщики в его подразделении были убиты или ранены, он взял на себя командование и удерживал наступление турок, пока их подразделение не было реорганизовано. За храбрость в этих боях он был награжден Медалью за выдающееся поведение (Distinguished Conduct Medal). Героем Галлиполи стал и Лазарь Марголин. Хотя и не петербуржец, он имел с этим городом тесную связь, так как там жил его брат, писатель Моисей Маркович Марголин, секретарь редакции энциклопедического словаря «Брокгауз и Ефрон». Марголин стал самым высокопоставленным военнотружашим в австралийской армии среди всех российских анзаков: он имел чин лейтенанта-полковника и командовал 16-м батальоном. В Галлиполи был ранены и вернулись в Австралию инвалидами кочегар Федор Васильев из Новой Калиши под Петербургом и машинист Николай Синдеев.

С Галлиполи была связана и судьба петербургского медика Михаила Эммануиловича Клячко. Накануне войны он отправился из Англии на Дальний Восток на борту немецкого корабля «Лютцов». Начало войны застало корабль в Красном море, где немецкая команда судна незамедлительно интернировала русского доктора, но вскоре корабль был захвачен англичанами и Клячко высадили в Египте. Здесь он попал на службу в 1-й Австралийский госпиталь в Гелиополисе. Оказалось, что он искусный пластический хирург в области лица. Многие австралийские анзаки, вывезенные в Египет с Галлиполи с тяжелыми черепно-лицевыми ранениями, были возвращены к жизни благодаря его мастерству. Один из его австралийских сослуживцев писал: «Ваше стремление помочь нам чем

только Вы можете отражает добрую волю русского народа по отношению к нам. Мы, австралийцы, только малая часть Британской Империи, но я могу заверить Вас, как высоко мы это ценим». Даже австралийский министр обороны выразил признательность Клячко за его службу. В сентябре 1916 г. он приехал в Мельбурн, сопровождая раненых, и некоторое время служил врачом на призывных пунктах.

Петербуржцы доблестно сражались и на Западном фронте, в основном в районе Соммы. В боях за Позьер одним из первых пал Пол Тапкен. Его сослуживец Люсьен Макбрайд в отчете об обстоятельствах его гибели писал: «Я буду пространным в этом письме, так как при кратком изложении какая-нибудь деталь, которая может быть интересна его родным в России, может быть упущена». Увы, его родные в России так и не были найдены. Несколько месяцев спустя погиб бесстрашный «русский» Джордж Болл. Александр Карелин прошел Галлиполи, с брюшным тифом был отправлен в Австралию, но, выздоровев, снова вступил в армию и в 1917 г. был отправлен на Западный фронт. Здесь, в Лагникурте, пришел его звездный час. «Во время немецкой контратаки он привел свою группу через участок дороги, беспрепятственно простреливавшийся противником, и занял позицию, контролировавшую проход врага в тыл его взвода. Хотя двое в его группе были ранены, он стойко держался на занятой позиции и сдержал продвижение врага на этом фланге», написал его командир, добавив, что «его хладнокровие и мужество нельзя переоценить». За этот подвиг он был представлен к Военной Медали. Награда пришла на следующий день после его гибели во время второго наступления на Буллекурт. Среди его вещей остался дневник, но он так и не был отправлен его семье в России. Сергей Тарасов погиб на Западном фронте в 1918 г., Сидней Парсонс, еще один петербургский британец, был здесь дважды ранен, получив до этого пулевое ранение в Галлиполи. Подвиг Джона Крауклиса, который пал смертью героя в самом конце войны, вошел даже в официальную военную историю Австралии.¹⁵ В последних боях первой мировой был ранен и Александр Гусаров, моряк из Кронштадта.

РУССКАЯ КОЛОНИЯ В МЕЛЬБУРНЕ

К концу второго десятилетия XX в. в Виктории насчитывалось около тысячи россиян, причем значительная их часть была сосредоточена в Мельбурне. Большинство из них составляли евреи, поляки, финны и жители Прибалтики. Последние были в основном моряками, и их пребывание в Мельбурне часто было непродолжительным. Число русских — в этническом и/или культурном пла-

не — было невелико и едва ли превышало две сотни человек, их приток усилился в 1910—1914 гг., но в отличие от Брисбена, где преобладали эмигранты с Дальнего Востока, в Мельбурн русские попадали и с Дальнего Востока, и из европейских портов. Русская общественная жизнь здесь не была такой интенсивной, как в Брисбене, но тем не менее в 1910-е гг. здесь было создано несколько организаций. Мельбурнский русский рабочий кружок возглавлял Миронов (о нем ничего неизвестно), а затем Иван Щербаков. Во главе Мельбурнского отдела Русских социалистов стоял латыш Джон Дравин, работавший кузнецом. Косвенным свидетельством его участия в политической деятельности в России служат слова в полицейском донесении: «покидая Россию, он спрятался на борту корабля и поэтому выехал без паспорта». В России он работал клерком в Морском министерстве.¹⁶ Существовали также Русский музыкальный кружок и библиотека. Герман Быков, писавший под псевдонимом А. Р-в (Рязанов), неоднократно посещал Мельбурн матросом на каботажном судне. Он отмечал, что члены Мельбурнского русского рабочего кружка «искренне озабочены саморазвитием российского пролетария», а библиотека выписывает много периодических изданий. «Несмотря на преобладание анархического элемента, т. е. мельбурнцы не сектанты, — считал он, — не вульгарные нигилисты, и это может быть потому, что они действительно не имеют в рядах своих «бывших интеллигентов», как сиднейцы. Их руководителями являются сами пролетарии, любовно устрояющие библиотечные и организационные дела».¹⁷

Действительно, среди эмигрантов в Мельбурне преобладали ремесленники. Среди них были механики Петр Алексеев, Максим Горовой, Прокофий Гременюк, Иван Щербаков, Владимир Заремба, плотник Кузьма Белоусов, краснодеревщик Эдуард Забородский, котельщик Михаил Студилин. В отличие от квинслендцев, где преобладали одинокие мужчины, кочевавшие со строительства железных дорог на рубку сахарного тростника, многие мельбурнцы были людьми семейными, постоянно жившими в городе.

Однако наряду с ремесленниками именно в Мельбурне было особенно много людей искусства. Скрипач Григорий Иванов (Зуссерман), согласно рекламе в австралийских газетах, был солистом императорского русского оркестра. Его жена Ольга (ур. Лаврова) была активна в жизни русской общины, как и Нелла Баранова, одинокая девушка, служившая компаньонкой у состоятельных австралийцев. Петербуржцем был тенор Алфред Йонас. Учителем танцев и цирковым наездником (пригодился опыт службы в русской армии) был Виктор Дягилев — родственник или однофамилец театрального импресарио Сергея Дягилева.

Наиболее радикальными в мельбурской общине были механик Викентий Петрушеня и инженеры Иван Марушак и Аркадий Васильев. Более умеренных позиций придерживались предприниматель Ниссон Леонард-Каневский и чета Гребиных.

Хотя Гребины и не были петербуржцами, о них стоит сказать несколько слов. Фредерик Гребин происходил из русско-немецкой семьи, родился в Одессе, закончил университет Фрайбурга и был уже известным геологом, когда австралийские власти пригласили его в качестве специалиста для поиска нефти на Новой Гвинее. Несмотря на приступы малярии, он блестяще выполнил свою задачу, обследовав разные районы острова и открыв нефть в районе реки Вайлала. Дальнейшие планы по поиску нефтяных месторождений были остановлены первой мировой войной, и Гребин с женой остался на несколько лет в Мельбурне. Его жена Юлия Гребина (ур. Кабалкина) родилась в Смоленске, была хорошо образована, владела шестью языками. Юлия легко вошла в культурный мир Мельбурна, регулярно проводя лекции по русской литературе на английском языке. Ее знания и обаяние были столь велики, что скоро к ней на курсы стали записываться желающие изучать русский язык. Однако, вероятно, из-за своих демократических симпатий, Гребины оказались в черном списке у российского генерального консула А.Н. Абазы, который всячески пытался подорвать доверие к ним австралийских властей. Так, на свет был извлечен факт о том, что хотя отец Фредерика с детства жил в России, на момент рождения сына он не имел российского подданства, и таким образом сына и его жену сочли немцами и чуть не интернировали. Абаза добился своей цели — Юлии запретили проводить публичные лекции о России. После февральской революции по указу министра обороны ограничения, наложенные на Гребиных, были сняты, и в мае 1917 г. Юлия была официально назначена преподавателем русского языка в университете Мельбурна.¹⁸ Популярность Гребиных в русской общине Мельбурна была так велика, что, когда после февральской революции прошли многочисленные собрания мельбурнских россиян, Фредерик Гребин был избран председателем комитета репатриации политэмигрантов, а затем и новообразованной Русской ассоциации с библиотекой.

НЕСОСТОЯВШИЕСЯ ПЛАНЫ

Недолгий период между февральской и октябрьской революциями был временем еще одного интересного проекта. В феврале в Мельбурне было создано Российско-австралийское бюро торговли и информации. Оно возникло на волне симпатий к воюющей России, которой прочили занять место Германии на австралийском

рынке. Возглавил его генеральный консул России Александр Абаза, а практическую работу по пропаганде этого проекта с энтузиазмом взял на себя уже знакомый нам доктор Клячко. Для развития прямой торговли между двумя странами предполагалось установление прямого пароходного сообщения с Владивостоком и Одессой; планировались также выставки русских товаров в Австралии и австралийских — в России. Одним из ключевых моментов их плана было преодоление преград, вызванных негативными стереотипами, невежеством и заблуждениями, которые препятствовали развитию коммерческих связей между Россией и Австралией, в частности, предполагалось издавать русскую газету на английском языке в Австралии, осуществить ряд публикаций книг и, при поддержке Бюро, учредить преподавание русского языка во всех штатах. В Перте первой преподавательницей русского языка предстояло стать другой нашей знакомой — Лидии Ветошниковой, «русской леди из Петрограда», которая, по отзыву Клячко, «знает русский язык в совершенстве и имеет широкие познания о России».¹⁹ Клячко развивал и ряд идей сотрудничества между Австралией и Россией, которые звучат вполне актуально и ныне, например использование австралийских технологий в области горнорудной промышленности и животноводства.

Однако уже к маю 1917 г. события в России показали австралийцам, что планы относительно торгового сотрудничества придется отложить на неопределенный срок. Вскоре и сам доктор Клячко впал в немилость у австралийских властей. Причиной стала его романтическая связь с девушкой из богатой мельбурнской семьи, которая в 1917 г. бежала с ним во Владивосток. Благотворное влияние Гребиных на формирование положительного взгляда на русскую общину и образ России у австралийцев кончилось с их отъездом в Америку в конце 1917 г., а Русскую ассоциацию возглавили ее более радикальные члены — Иван Шербаков, а затем Анатолий Степанов. Александр Абаза покинул свой пост после Октябрьской революции и закончил свои дни в Египте.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 *Говор Е.* Судьба превратного счастья, или тайна Джона Потockого // Австралиада (Сидней). 1996, № 7. С. 3–7.
- 2 *Герцен А.И.* Былое и думы. Л., 1947. С. 619.
- 3 Здесь и далее источниками биографических сведений служат записи актов гражданского состояния австралийских колоний/штатов, списки пассажиров кораблей, прибывающих в Австралию, документы о натурализации, материалы из австралийских газет; многие из этих источников доступны в электронном формате, на таких сайтах как <http://ancestry.com>, <http://naa.gov.au/>, <http://trove.nla.gov.au/newspaper/>

- 4 *Циммерман Э.Р.* Путешествие по Австралии и Океании // Отечественные записки. 1882, № 12. С. 482; *Массов А.Я.* Россия и Австралия во второй половине XIX века. СПб., 1998. С. 104–107.
- 5 *Миклухо-Маклай Н.Н.* Собрание сочинений в 6-ти томах. Т. 2. М., 1993. С. 237–238.
- 6 National Archives of Australia (NAA), A435, 1946/4/3722; A1336, 45748.
- 7 Queensland State Archives: A/45328, [785M], Russians 1911–1915.
- 8 В действительности в то время ему было 17 лет.
- 9 A dramatic confession // *The Advertiser* (Adelaide, SA). 29 September 1910. P. 9,10.
- 10 Senkovitch's story // *The Sydney Morning Herald*. 24 March 1911. P.4.
- 11 *Govor E.* My Dark Brother: The History of the Illins, a Russian-Aboriginal family. Sydney, 2000; *Говор Е.* Потаенная история любви // Австралийская мозаика (Сидней). 2009, № 18. С. 42–53, 2010, № 19. С. 31–41.
- 12 *Tscheremissinoff Catherine.* «Procul este profani» // *Evening Post* (Wellington). 14 January 1922. P. 6.
- 13 *Russian Linguist.* Miss *Tscheremissinoff* // *The Sydney Morning Herald*. 24 February 1931. P. 4; NAA, A446, 1955/5553.
- 14 Ссылки на документы и во многих случаях сами документы, содержащие биографические сведения о российских анзаках, можно найти в банке данных *Russian Anzacs* <http://russiananzacs.elena.id.au>
- 15 *Bean C.E.W.* The Official History of Australia in the War of 1914–1918. Vol. VI. St Lucia, 1983. P. 798–99, 801–02.
- 16 *Govor E.* Latvian radicals in Australia. In: *Early Latvian Settlers in Australia.* Ed by *Aldis L. Putniņš.* Melbourne, 2010. P. 207.
- 17 А. Р-в. Корреспонденция. Melbourne // *Рабочая жизнь* (Брисбен). 1916, № 27.
- 18 Personal // *The Argus*. 11 May 1917. P. 6.
- 19 *Klatchko M.* Relations with Russia // *The West Australian*. 3 April 1917. P. 8.

E.V.Govor

St. Petersburg – Melbourne: early contacts

The article 'St. Petersburg – Melbourne: Early Contacts' by the historian *Elena Govor*, the Australian National University is based on archival materials, newspaper articles and family chronicles. The article presents a broad panorama of the early presence of the citizens of St. Petersburg in Victoria and Melbourne before the revolution. Among its heroes there are gold miners and adventurers, surgeons and artists, women devastated by family tragedy and Russian Anzacs who fought in the AIF in the First World War.